

Ю. П. Шкаплеров*Могилевский институт МВД Республики Беларусь*

БЫХОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVII ВЕКЕ: АРХИТЕКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

Быховская крепость является единственным в Беларуси сохранившимся образцом города-крепости XVII в. Ее укрепления вошли в историю благодаря своей заметной роли в войне Московского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг. Грамотное соотношение архитектуры фортификационных сооружений, возможностей огнестрельного оружия того времени, а также военная организация горожан позволяли защитникам на протяжении длительного времени оборонять свой город. К сожалению, в Беларуси не существует комплексных работ, посвященных исследованию архитектуры и организации обороны Старого Быхова. В настоящей публикации осуществлена попытка устранения данного пробела.

Быховская крепость, включающая в себя замок, земляные оборонительные сооружения вокруг него и исторической части города, представляет собой уникальный памятник дворцово-замковой архитектуры конца XVI – начала XVII в. Сегодня это единственный в Беларуси сохранившийся город-крепость образца XVII в. Кроме того, это частный город-крепость, принадлежавший магнатским родам. Частные крепости были важным элементом обороны Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Эти города имели свои гарнизоны, артиллерию и арсенал. Устройство и организация городов-крепостей были приспособлены для обороны. Даже расположение жилых кварталов служило нуждам войны: их планировка позволяла вести успешные бои даже после прорыва врага через внешние укрепления. Вместе с тем город-крепость Старый Быхов до сих пор не стал объектом детального исследования отечественных ученых.

Укрепления Старого Быхова вошли в историю в основном благодаря своей важной роли в оборонительных боях войны Московского государства с Речью Посполитой 1654–1667 гг. В ходе этой войны, по подсчетам некоторых историков, на территории современной Беларуси погибло 53 % населения, многие города были уничтожены вместе с жителями (например, Мстиславль) [1], а часть из них исчезли навсегда. В частности, город Казимир в Гомельской области после указанных событий был «вновь открыт» только в XXI в. Именно в ходе этой разрушительной войны Старый Быхов стал примером успешной реализации концепции идеального города-крепости. Будучи осажденным войсками украинских казаков, а также московскими армиями А.М. Трубецкого и И.А. Хованского, с 29 августа 1654 г. до весны 1657 г., город не пал даже тогда, когда практически вся территория Великого Княжества Литовского была захвачена неприятелем, а столица Вильня пала.

Отметим, что Быхов не сразу был мощным укрепленным центром обороны. До конца XVI в. он представлял собой обычный город своей эпохи, обнесенный деревянной крепостной стеной, штурм которого не представлял существенных затруднений для нападающих. Однако все изменилось в 1590 г., когда «низовые казаки» гетмана Матюши Федоровича захватили Быхов. При этом было убито и ранено много горожан, а их имущество – разграблено. Из-за внезапного нападения оборона города была недолгой, но активной. Подстароста оршанский Андрей Шевердич, который осматривал стены и браму замка, видел в ней много стрел и следов от пуль [2, с. 81].

Сразу после этого нападения в 1590 г. владелец города Ян Карл Ходкевич получил от короля грамоту на постройку в Быхове замковых фортификационных сооружений. Точное время начала строительства неизвестно. Однако наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой каменный замок был построен до 1619 г., а остальные укрепления возведены позже Л. Сапегой [3, с. 98].

С началом строительных работ был совершен древний языческий обряд – принесение «строительной» жертвы. Данный обряд являлся довольно распространенным в Восточной Европе и проводился для обеспечения прочности и долговечности постройки. Суть его состояла в том, что строители на месте фундамента живьем закапывали животное или человека. При этом человеческие жертвы приносили, как правило, при постройке крепостей. Считалось, что крепости после этого становились неприступными. О жертве, принесенной при строительстве быховских земляных укреплений, сохранилось предание, согласно которому земляные насыпи не могли построить, потому что ночью исчезало всё, сделанное днем. Тогда строители направили нескольких работников на дорогу, ведущую в город, для того, чтобы те схватили первого встречного и привели его в город. Через некоторое время работники повстречали парня и схватили его. Однако в это время на дороге появилась девушка. Долго не сомневаясь, рабочие схватили и девушку, а затем обоих повели в Быхов к месту строительства. «А в городі вже й яму їм наготували: так їх обойко, хлопця і дівчину, живих і засипали землею...» [4, с. 246]. Данное повествование было записано со слов быховчанина, которому, в свою очередь, этот рассказ поведала его мать.

Учитывая, что Ходкевич был профессиональным военным – гетманом Великого Княжества Литовского, он подошел к возведению фортификационных сооружений ответственно и со знанием дела. После смерти Яна Ходкевича укрепление Быхова завершил его новый владелец Лев Сапега. Фактически это уже был новый город, перестроенный на основе передового европейского опыта фортификации и соответствовавший взглядам того времени на «идеальную» модель укрепленного города (рисунки 1 и 2) [5, с. 258; 6, с. 121]. В качестве образца фортификационного обеспечения города в подобных топографических условиях можно привести чертеж из трактата

А. Фрейтага 1631 г. [3, с. 103; 7, с. 313] (рисунок 3). Некоторые нарушения симметрии при строительстве Быхова объясняются особенностями рельефа местности.

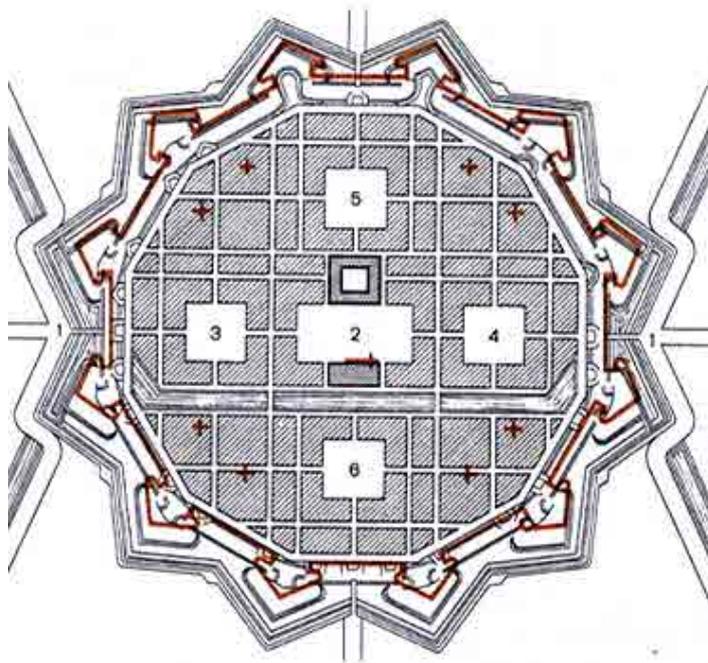

Рисунок 1 – Виченцо Скамотти.

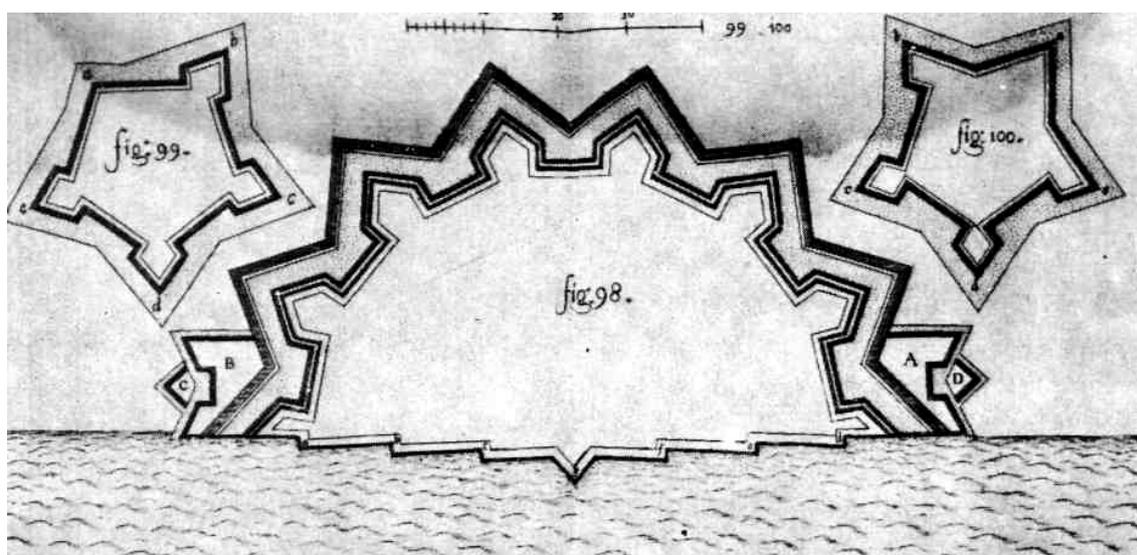
План идеального города (начало XVII в.)

1 – торговая улица; 2 – главная площадь с дворцом князя и собором; 3–6 – рынки и биржевая площадь

Рисунок 2 – План г. Быхова 1781 г.

Российский государственный военно-исторический архив

Рисунок 3 – Адам Фрейтаг. Укрепление города, размещенного над рекой значительной ширины

С северной, западной и южной сторон Быхов был обнесен земляным валом в форме полукруга диаметром около 800 м. Высота вала составляла 7–8 м, а ширина в основе – примерно 30 м [2, с. 81]. Со стороны Днепра вал отсутствовал, так как в этом не было необходимости: Быхов стоит на высоком (18–20 м) обрывистом плато в пойме этой реки, которая прикрывала подступы к городу с востока. Кроме того, параллельно Днепру вдоль городских укреплений проходило русло речушки Мокрянки, перекрытое плотиной в районе замка. Следы этого русла еще видны в пойме Днепра (рисунок 4).

Рисунок 4 – Следы р. Мокрянки и запруды на ней около Старобыховского замка

На городском валу размещались 12 бастионов. Бастионы служили местом для размещения артиллерии и позволяли создавать достаточно большую плотность огня на том участке обороны, который подвергался нападению. При этом ядра противника, попадавшие в вал, просто застревали в земле, не причиняя никакого вреда обороняющимся. Угол наклона внешней стороны быховских валов и бастионов составлял около 115 градусов, что создавало существенные затруднения для врага, желающего подняться на них: под таким углом в ходе боя нужно было преодолеть не менее 15 м. Примерно такой угол наклона сохранился в наше время на земляном валу углового северного бастиона (на пересечении ул. Володарского и пер. Куйбышевский спуск).

Рисунок 5 – На дне крепостного рва Старого Быхова (фото автора)

В литературных источниках указывается, что в 1707 г. наиболее удобные для атаки места городского вала от подножья до верхней границы были обложены большими колодами, в которые вкручивалось много специально сделанных ножей [2, с. 87]. Более чем вероятно, что данное улучшение бастионной системы существовало уже в XVII в.

Перед городским валом размещался полукольцевой ров глубиной 7–8 м и шириной 50 м [2, с. 81], очертания которого с геометрической точностью повторяли контуры бастионов. Его остатки и сейчас можно наблюдать в центре Быхова (рисунок 5).

По мнению Ю.В. Чантурии, ров со стороны поймы вряд ли наполнялся водой, так как высота надпойменного плато здесь составляет 18–20 м, а глубина рва в 20 м маловероятна в условиях ландшафта и градостроительного масштаба Старого Быхова. В то же время автор допускает возможность частичного обводнения рва на участке между Могилевской и Рогачевской (позднее – Новобыховской) брамами, мосты к которым и могли выступать в качестве плотин. Два участка рва от мостов до пойменной равнины, скорее всего, были сухими и имели дно, постепенно понижающееся примерно на 10 м [6, с. 120].

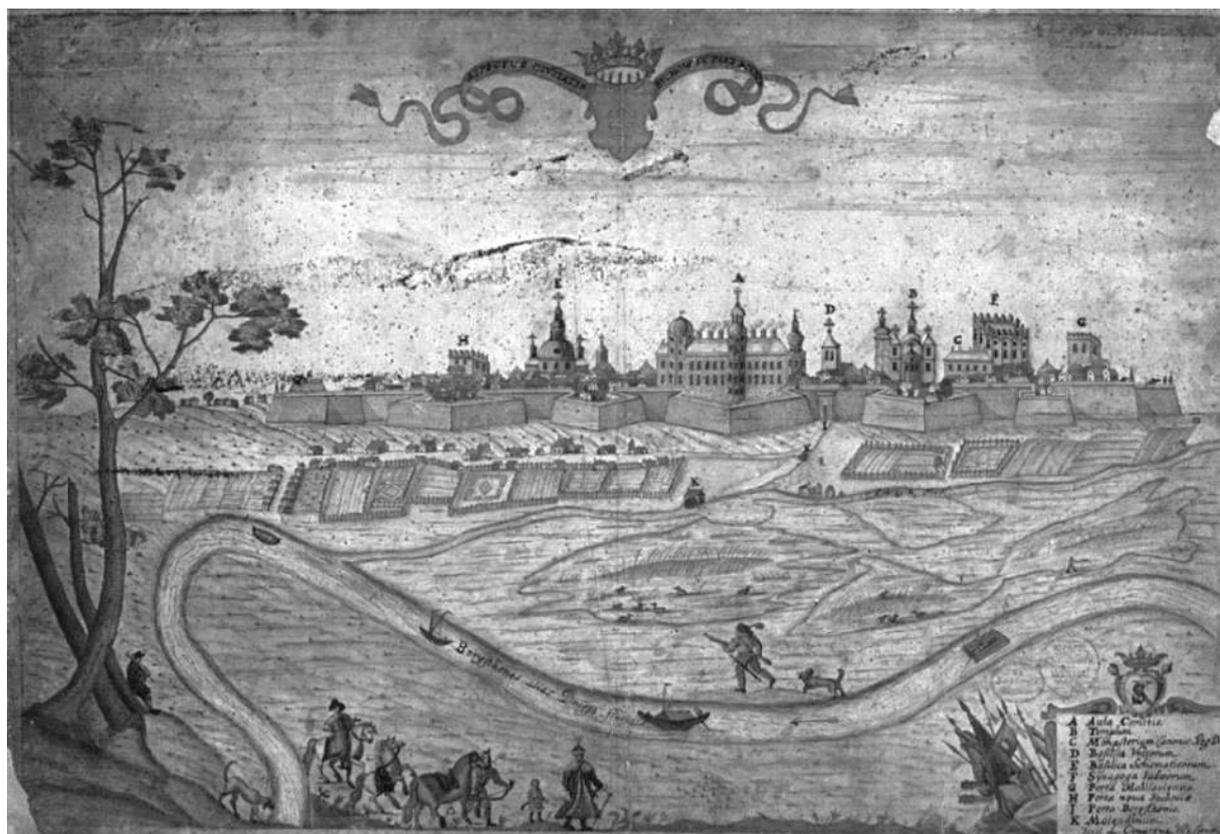
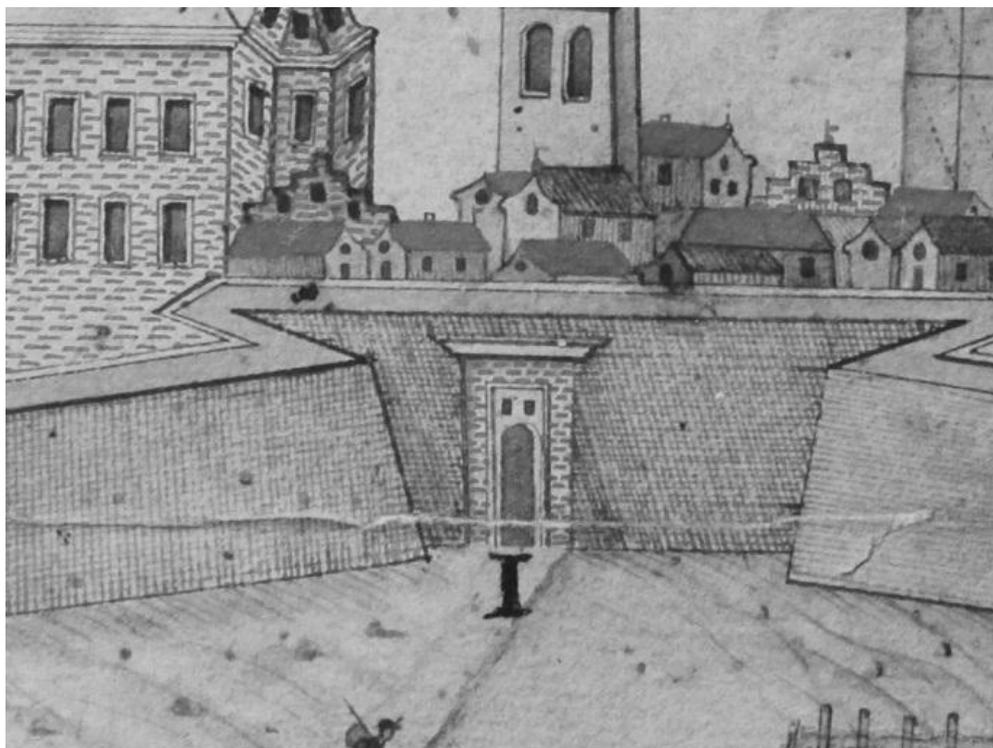

Рисунок 6 – Панорама Старого Быхова середины XVII в.

Вероятность того, что точка зрения Ю.В. Чантурии соответствует действительности, достаточно велика. Во-первых, на Панораме Старого Быхова, созданной предположительно между 1648 и 1654 гг. [8] (рисунок 6) и хранящейся в Государственной библиотеке прусского культурного наследия (Берлин), около крайних южного и северного бастионов каких-либо плотин или иных гидротехнических сооружений не изображено. Во-вторых, фрагмент городского рва, сохранившийся до настоящего времени около районного центра культуры, до конца XX в. был заполнен водой. При этом водой до самого берега он был заполнен и ранее, что подтверждается фотографиями военных лет (рисунок 7). На рубеже 80–90-х гг. прошлого века в ходе работ по очистке дна этого водоема было установлено, что под илистыми отложениями и почвой оно равномерно покрыто слоем льна. В ходе очистительных работ этому факту никто значения не придал, и лен был удален тяжелой техникой. После этого участок рва более чем за 30 лет водой так и не наполнился. Принимая во внимание изложенное, а также учитывая наличие у льна водоудерживающих свойств, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что городской ров на участке между Могилевской и Рогачевской брамами заполнялся водой.

**Рисунок 7 – Городской ров, заполненный водой.
Фото немецкого солдата.
Старый Быхов, лето 1941 г.**

**Рисунок 8 – Изображение Дольной браны
на Панораме Старого Быхова**

Помимо указанных Могилевской и Рогачевской имелась в Быхове и третья брама – Подольная (Дольная), через которую осуществлялся выход к Дне-

пру, а при необходимости эта брама, прикрытая с двух сторон замком и католическим монастырем, позволяла оказывать внешнюю помощь блокированным в замке войскам [9, с. 42]. Быховские брамы были кирпичными неоштукатуренными и размещались в толще вала. О внешнем виде брам можно судить исходя из сохранившихся планов Старого Быхова конца XVIII в. и названной ранее Панорамы Старого Быхова.

Дольная брама отличалась от Могилевской и Рогачевской. Это было одноэтажное строение, полностью располагавшееся в оборонительном валу (рисунок 8). Современным аналогом Дольной брамы является въездная брама г. Боуртанж в Голландии (рисунок 9).

Рисунок 9 – Аналог Дольной брамы в г. Боуртанж (Голландия)

В свою очередь, согласно изображению на Панораме Старого Быхова, Могилевская и Рогачевская брамы были двухъярусными с плоской крышей и возвышались над оборонительным валом. Аттики обеих брам в XVII в. были увенчаны «коронай» – декоративными зубцами, вряд ли носившими оборонный характер (рисунок 10). О многоярусной конструкции брам свидетельствуют и исторические источники. Так, в 1714 г., когда русским солдатам пришел приказ покинуть захваченный город, то «Масква ў брамах быхаўскіх мураваных вярхі поўнасьцю паразбірала, а пад вывады, якія былі наймацнейшымі, выкапаўшы рвы, бочкі з порахам паставіўшы, паўзрывалі...» [2, с. 88]. В 1780 г. при описании Быхова упоминаются уже восстановленные над двумя воротами «... две каменные крепкие башни» [10, с. 85].

Рисунок 10 – Изображение Могилевской браны на Панораме Старого Быхова

По мнению Ю.В. Чантурии, каждая из рассматриваемых бран имела рядом с конструкцией проезда высокую многоярусную оборонительную башню с шатровым завершением. Аналогом таких построек, общим по времени и типу, автор называет Замковую городскую брану г. Несвижа, рядом с которой в XVII в. также располагалась аналогичная башня. В качестве основания для такого вывода автор называет план Старого Быхова 1781 г., на котором Рогачевская и Могилевская браны изображены в виде каменных тоннелей с прямоугольными пристройками сбоку на валу, которые, возможно, и являлись оборонительными башнями (рисунок 2) [6, с. 120].

Между тем, на Панораме Старого Быхова рядом с бранами какие-либо дополнительные башни не изображены (рисунок 6). Кроме того, на плане города, составленном между 1778 и 1880 гг., основания бран представлены в виде правильных прямоугольников. Таким образом, в XVII в. Могилевская и Рогачевская браны не имели в своей конструкции дополнительных оборонных башен. Можно предположить, что таковые могли появиться после 1714 г. как более дешевый вариант восстановления хозяевами города разрушенных русской армией бран. Все браны Старого Быхова стояли на своих местах еще в середине XIX в. [11, с. 204; 12, с. 423], после чего были разобраны на кирпич местными жителями.

В настоящее время оборонительные валы на всей их протяженности фактически полностью разрушены. Сохранились лишь остатки двух северо-западных (в районе Певчего поля) и двух юго-западных бастионов (напротив здания районного суда). Неплохо сохранился крайний северный бастион.

(Продолжение в следующем выпуске)

Список основных источников

1. Сагановіч, Г. Невядомая вайна: 1654–1667 [Электронный ресурс] / Г. Сагановіч. – Режим доступа: <http://knihi.com/sahanovic/vajna.html>. – Дата доступа: 24.05.2010.
2. Ткачоў, М. А. Замкі і людзі / М. А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 182 с.
3. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: А. І. Лакотка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2005–2009. – Т. 2: XV – сярэдзіна XVII ст. / А. І. Лакотка [і інш.]. – 2006. – 626 с.
4. Саваренская, Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды : учебник / Т. Ф. Саваренская. – М. : Стройиздат, 1984. – 376 с.
5. Чантурия, Ю. В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.: средневековое наследие, ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. – Минск : Бел. навука, 2005. – 375 с.
6. Драгомиров, М. П. Малорусские народные предания и рассказы / М. П. Драгомиров. – Киев : Тип. М. П. Фрица, 1876. – 462 с.
7. Zarębska, T. Początki polskiego piśmiennictwa urbanistycznego / T. Zarębska. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986. – 475 s.
8. Волкаў, М. Панарама Старога Быхава другой паловы XVII ст. / М. Волкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 5. – С. 16–24.
9. Слюнькова, И. Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. / И. Н. Слюнькова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с. : ил.
10. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества. – СПб. : Император. акад. наук, 1780. – 133 с.
11. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии, с присокуплением и других сведений, к ней же относящихся / сост. М. О. Без-Корнилович ; предоставил оригинал книги и подготовил издание В. Н. Татур. – Минск : Алфавит, 1995. – VIII, 335 с.
12. Живописная Россия / под общ. ред. П. П. Семенова. – Репринт. воспроизведение ; изд. 1882 г., 2-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 490, VI с., 24 л. ил.

Bykhov fortress including the castle, earthworks around the historical part of town as well as the synagogue and the building of the monastery is the only surviving example of the city-fortress in Belarus of the 17–18th centuries. Unfortunately, the available fragments of the fortress are being destroyed for various reasons and they may soon disappear. Furthermore there is no comprehensive work devoted to the study of architecture and organization of the defense of the Old Bykhov. This publication was an attempt to describe the architecture and organization of the defense of the Old Bykhov of the 17th century.